

Ли Жун ещё раз подробно изложил план Линь Циню и Цзянь Фу; Цзянь Сюньвэй слушал вместе с ними. На протяжении всего разговора тот сидел нахмурившись, опустив взгляд: не вступал в обсуждение и не высказывал своего мнения. Тем не менее, план Ли Жун он одобрил — иного выбора, чтобы разрешить ситуацию, у них просто не оставалось.

Линь Циню нельзя было задерживаться надолго. Дослушав инструкции, он вновь скрыл лицо за маской и кепкой и незаметно ушёл. Цзянь Фу хотел было что-то добавить ему вдогонку, но Линь Цинь двигался слишком стремительно. Когда юноша протянул руку, чтобы придержать друга за локоть, тот уже проскочил мимо, даже не заметив жеста.

Оставшись у порога, Цзянь Фу озадаченно взъерошил волосы.

«О чём он только думает? — пробормотал он себе под нос»

Линь Цинь вернулся в свой номер, погружённый в тяжёлые думы. Не прошло и нескольких секунд после того, как он снял маску, в дверь постучали — это был сотрудник съёмочной группы.

Стоило ему открыть, как тот опешил:

— Ты уже здесь? Куда пропадал? Режиссёр созвал всех на совещание, только тебя и не хватало.

— Выходил проветриться, — туманно ответил Линь Цинь.

Сотрудник явно хотел проворчать что-нибудь колкое, но, взглянув на парня, сдержался. Те, кто сейчас оставались в шоу, были будущими звёздами с огромным трафиком, и портить с ними отношения было себе дороже.

Линь Цинь вместе с ним отправился в конференц-зал. Завтра был четверг — время репетиции. Даже если речь шла о благотворительном реалити-шоу, репетиции оставались обязательными: всё, что видел зритель, на самом деле было результатом тщательной постановки и режиссуры.

Когда собрание закончилось, он перехватил постановщика площадки и спросил:

— Где я могу найти сестру Пань?

Режиссёр взглянул на него с пониманием — он знал о недавнем разговоре Янь Пань с участником и догадывался о его содержании. Полагая, что перед ним будущий артист «Вацзин», он многозначительно улыбнулся:

— О, сестра Пань ушла на ужин с принимающей стороной здесь, в Лине.

Линь Цинь слегка опустил глаза.

— Я хотел обсудить с ней кое-что. Как думаете, удобно будет сейчас позвонить?

Режиссёр сверился с часами:

— Скорее всего, они ещё не приступили к трапезе. Звони.

Линь Цинь поблагодарил его и набрал номер Янь Пань. Трубку сняли только после шестого гудка — и вовсе не потому, что вокруг было шумно. У неё были свои принципы. Если звонил босс, чей статус был выше её собственного, она отвечала на рабочий номер мгновенно. Если же звонил кто-то ниже по положению, она заставляла человека подождать, давая понять: разговор с ней — привилегия, которую нужно заслужить. Время ожидания строго регламентировалось важностью собеседника.

Увидев имя звонившего, женщина, хоть он ей и не нравился, всё же ответила ради дела.

— Алло, я занята. Есть что-то срочное?

Линь Цинь вежливо, почти заискивающе улыбнулся в трубку:

— Сестра Пань, я долго обдумывал ваши слова и до сих пор нахожусь под впечатлением. Я поговорил с родителями, они тоже очень рады. Скажите... могу ли я лично встретиться с руководителем «Вацзин», президентом Суном?

Голос Янь Пань мгновенно стал выше:

— Ты хочешь видеть президента Суна?

У Сун Яньи обычно не было времени на встречи с новичками. Как правило, контракты обсуждали менеджеры или начальники отдела кадров.

Линь Цинь мягко пояснил:

— Сестра Пань, я знаю, что у «Вацзин» много популярных артистов и все они успешно развиваются. Просто мне бы очень хотелось... лично познакомиться с президентом Суном. Я ведь совсем новичок, в индустрии у меня нет никакого опыта, мне нужно побольше общаться с такими титанами, учиться у них.

Янь Пань сразу «поняла», к чему он клонит. Парень просто боялся, что после подписания контракта его задвинут на задний план, что он потеряется в тени состоявшихся звёзд, а Сун Яньи даже не узнает о его существовании. На самом деле опасения были напрасными: шоу-бизнес — место предельно прагматичное. Пока фанаты поддерживали Линь Циня, президент просто не мог позволить себе его игнорировать.

Тем не менее, женщина знала, как робки бывают молодые артисты и как сильно они нуждаются в поддержке авторитетных лиц. Она рассудила так: Линь Цинь колебался, потому что считал, что у неё самой в «Вацзин» недостаточно власти. Если же Сун Яньи скажет пару слов, парень наверняка подпишет контракт без лишних раздумий. Линь Цинь и не догадывался, что она уже давно была человеком Сун Яньи, иначе не стала бы так рьяно вербовать его для компании ещё до финала.

— Ладно, — сказала Янь Пань. — Подожди, я спрошу.

Когда она повесила трубку, вежливая улыбка мигом исчезла с лица Линь Циня. Он крепко сжал телефон в руке. Решение было принято.

В пятницу начались официальные съёмки. Ранее тихая и безлюдная гора Хуннин была окружена фанатами в несколько рядов. Дети, никогда не видевшие подобного столпотворения, испуганно притихли. Суй Ваньцзюнь пришлось лично выйти к ним, чтобы успокоить и приободрить.

Наконец появилась и сама настоятельница приюта. Её голова была совершенно седой, а спина сгорбилась от многолетних трудов. В её облике не осталось и следа былой красоты — даже если не брать в расчёт беспощадное время и невзгоды, она никогда не была красавицей. Очень худая, с потемневшей кожей на руках, изборождённой глубокими морщинами; ногти на руках были толстыми и грубыми, но идеально чистыми. Как и её лицо — умытое дочиста, с аккуратно причёсанными волосами.

Именно от такого человека и такого лица исходило необъяснимое ощущение доброты и милосердия. Эта аура, рождённая в самой глубине души, чувствовалась не только наивными детьми, но и фанатами в толпе. Говорят, нельзя судить о человеке по внешности, но утверждение о том, что облик — это зеркало души, явно имело под собой основания.

Ли Жун и Цэнь Сяо стояли в гуще возбуждённых поклонников, тесно прижавшись друг к другу. Ли Жун поправил козырёк кепки и взглядом указал Цэнь Сяо вниз:

— Посмотри на ноги Суй Ваньцзюнь.

Она шла прихрамывая. И хотя перед камерами она изо всех сил старалась выглядеть бодрой и полной энергии, было заметно, что ей тяжело подолгу стоять — она то и дело присаживалась отдохнуть, растирая колени натруженными ладонями.

Чтобы Ли Жун расслышал его в шуме толпы, Цэнь Сяо пришлось наклониться к самому его уху; его губы почти касались нежной кожи мочки.

— Похоже на артрит или остеопороз. Её тело действительно сдаёт.

Ли Жун усмехнулся:

— В своё время она предпочла развод с мужем и разлуку с собственным ребёнком, лишь бы продолжать строить этот приют. Такой праведный человек не передал бы дела заместителю директора Хун Жу, если бы здоровье позволяло продолжать.

— И всё же она ещё может появляться в кадре, — ответил Цэнь Сяо. — Значит, не всё так плохо. Надеюсь, у неё хватит сил.

«Надеюсь, эта женщина, всю жизнь остававшаяся упрямым праведником, сможет вынести жестокую правду»

Реальность всегда беспощадна: она остаётся неизменной, вне зависимости от того, способен ли человек её принять.

Ли Жун невольно вздрогнул. Он хотел сказать что-то, чтобы разрядить обстановку, но его внимание отвлекли разговоры фанатов по соседству.

— Почему наш Цинь-бао сегодня такой активный?

— Ха-ха, я просто умираю! Он сегодня будто батарейку проглотил. Может, он просто очень любит детей? В закадровых съёмках он всегда такой тихий и послушный.

— О-о-о, любить деток — это так мило! Он ведь и сам ещё ребёнок, а дети любят играть с детьми.

— Какая удача для шоу! У него потрясающее чувство кадра, монтажёрам будет из чего выбрать.

— Я уже представляю, как это смонтируют. А-а-а, как же я завидую той девочке, парень играет с ней в прятки!

— Так и надо! Наконец-то он понял, что нужно бороться за экранное время. Чёрт, никогда не видела, чтобы у лидера рейтинга было так мало кадров — ни рекламных вставок, ни продвижения.

— У него же нет компании, всё приходится делать самому. Но у зрителей глаза зоркие: «аристократам» из агентств никогда не одолеть «народного избранника».

— И всё же я надеюсь, что его подхватит какая-нибудь компания. В одиночку слишком тяжело, моё материнское сердце разрывается...

Ли Жун тоже недоумевал.

«Почему Линь Цинь сегодня так воодушевлён? Неужели теперь полюбил съёмки на природе? В старшей школе он такого не жаловал. Неужели попал под влияние Цзянь Фу?»

На протяжении всей записи Линь Цинь словно находился под действием стимулятора. К концу дня даже фанаты, вооружённые тяжёлыми камерами, выбились из сил и поникли. Ли Жун уже давно сбежал в машину, чтобы поспать, откинув кресло, а его друг всё ещё фонтанировал энергией. Его энтузиазм радовал съёмочную группу: когда популярный участник так хорошо работает, это избавляет монтажёров от лишней головной боли — не нужно мучительно высасывать сюжеты из пальца.

Выносливость Цэнь Сяо была куда выше, чем у сверстников, но даже он за два дня на площадке почувствовал усталость. Фанаты же держались до последнего, стремясь запечатлеть каждую секунду появления своего кумира.

Вернувшись к машине, Цэнь Сяо обнаружил, что Ли Жун сладко спит, подтянув ноги и подложив руку под голову. В салоне работал обогреватель; дыхание Ли Жуна было ровным, а ресницы послушно лежали на веках, подчёркивая необычайную белизну кожи. В последние дни нервное напряжение зашкаливало. Юноша не жаловался, но Цэнь Сяо знал, что тот почти не отдыхал.

Изначально он хотел просто посидеть в машине и перевести дух, но, увидев спящего, побоялся, что холодный воздух из открытой двери может его разбудить или Ли Жун простудится. Хотя здоровье его возлюбленного давно не было таким хрупким, как в школьные годы, Цэнь Сяо, однажды пережив страх потери, теперь дул на воду. Каждый, кто прошёл через подобное, обречён на лёгкое ПТСР.

В итоге Цэнь Сяо просто нашёл у дороги большой плоский камень, смахнул с него пыль и сел.

В последний день съёмок Линь Цинь получил уведомление от Янь Пань. Она писала, что после возвращения в город А президент Сун готов встретиться с ним для личного разговора. Об этом парень решил не говорить Ли Жуну. Он раздумывал, стоит ли шепнуть Цзянь Фу, но тот совершенно не умел хранить секреты, а такой проницательный человек, как Староста, мгновенно заметил бы перемену в поведении друга. Поэтому Линь Цинь сдержался.

Цзянь Фу, пользуясь своим статусом «лучшего друга звезды», нагло раздобыл пропуск персонала и пробрался в приют, где с комфортом устроился на маленькой детской табуретке.

Конечно, он не просто глазел по сторонам. У Линь Циня не было ни ассистента, ни менеджера, а натурные съёмки изматывали. Персонал был слишком занят своими делами, и часто Линь Циню приходилось самому заботиться о еде и воде.

Цзянь Фу взял на себя роль временного помощника: в перерывах между дублями он подбегал к Линь Циню, чтобы дать глоток минералки, сунуть в руку шоколад или вытереть пот с шеи. На самом деле вытирать пот было обязанностью гримёра, и тот справлялся отлично, но юноша упорно переделывал работу за ним. По правде говоря, он просто хотел под предлогом заботы стереть запах парфюма, который гримёр оставлял на коже.

Остальные сотрудники группы лишь посмеивались, считая ассистента Линь Циня никчёмным — ведь тот не видел никого, кроме своего подопечного. Ассистенты из крупных компаний и вовсе закатывали глаза, глядя на такую некомпетентность. Но Цзянь Фу было плевать.

Когда сидеть на детской табуретке стало совсем невмоготу, он решил выйти и поискать Ли Жуну и Цэнь Сяо. Ловко миновав засаду фанатов, в ста метрах от приюта на импровизированной стоянке он увидел Цэнь Сяо, сидящего на большом валуне.

Цзянь Фу удивился и подбежал ближе:

— Брат, ты чего здесь расселся?

Цэнь Сяо только что закончил раздавать указания Юй Фуяню по работе в Девятом районе. Подняв голову, он увидел друга.

— Линь Цинь освободелся?

Цзянь Фу потянулся — после детской табуретки спина нещадно ныла.

— Да они почти закончили, сейчас финальное собрание проводят. Я вышел подышать. Ты-то чего на камне сидишь? Он же грязный. Машина же рядом.

— Ли Жун спит, — коротко ответил Цэнь Сяо.

— И что, его сон мешает тебе сесть внутрь? Ты же можешь просто... — Цзянь Фу осекся, вспомнив об их отношениях. Он неловко почесал руку и выдал: — Боишься разбудить, да? Дверь громко хлопает, понимаю.

Теперь Ли Жун для него стал ценнее панды.

— Да, — прямо подтвердил Цэнь Сяо. — На улице свежо, а он без куртки.

Цзянь Фу очень хотел обсудить с братом, каково это — любить парня, но слова застряли в горле. Он несколько раз шевельнул губами, собираясь с духом:

— Э-э...

В этот момент Ли Жун проснулся. Глаза его покраснели со сна, волосы растрепались, а на щеке отпечатался след от вязки свитера. Он опустил стекло, положил подбородок на край и высунул голову. Прищурившись, он спросил густым, заложенным от сна голосом:

— Цэнь Сяо, время пришло?

<http://bllate.org/book/15351/1540128>